

А. П. МАРКОВ,

*профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП,
доктор педагогических наук, доктор культурологии,
Заслуженный деятель науки РФ*

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ РУССКОЙ ИДЕИ

В ситуации актуальных цивилизационных проблем и глобальных вызовов России необходимо прежде всего понять свое «моральное призвание», почувствовать, как писал Вл. Соловьев, ту «особую идею, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа — индивида или нации — и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг. Эта идея есть такая же “роковая необходимость”, как и законы физического мира — она действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает это она двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места. Ни человек, ни нация как моральное существо не могут осво-

бодиться от власти идеи, являющейся концентрированным выражением смысла их бытия»¹.

Русская идея есть особая (и во многом специфически российская) форма понимания цивилизационной миссии России, трактовки ее различных граней в меняющемся историческом контексте. Ее составляющие рассыпаны по различным текстам, авторов которых объединяет общий вектор интеллектуальных и духовных усилий — стремление понять или сконструировать историко-культурную самобытность и целостность России.

Актуализация в общественном самосознании русской идеи всегда происходила в

¹ Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея: сб. / сост. М. А. Маслин. М., 1992. С. 187.

кризисные периоды истории. Повышенное и напряженное внимание к проблемам, отличиям и достоинствам своего народа вполне естественно и неизбежно в период резких политических, экономических и культурных перемен. Острота и значимость проблем национального существования нередко придавали формам выражения русской идеи особую напряженность, что объясняется кризисным состоянием национального самосознания, пытающегося «снять» чувство национальной неполноценности и обрести культурную идентичность.

Исключением можно считать сегодняшний этап — до последнего времени даже попытки признать отсутствие национальной идеи как проблему не имели, мягко говоря, особой популярности. Интернационализм советского периода (который Г. П. Федотов понимал как «противный персоналистической природе христианства сплав потерявших свой духовный облик народов»²) перешел в агрессивное неприятие или тупое молчание интеллигенции.

Свою роль здесь сыграли (и продолжают играть) несколько факторов. Сказывается внешнее «родство» национальной идеи с идеологией национализма, которое является, скорее, политическим ярлыком или результатом непонимания данного культурного феномена. Соответствующий спектр интеллектуальных поисков был блокирован трактовкой русской идеи как явления, порожденного «русским этноцентризмом», обвинениями в «агрессивном мессианизме» русских и др. Безусловно, опасение перерождения национально ориентированного сознания в шовинизм с его проповедью расовой исключительности вполне обосновано историческими фактами. Не только опыт фашистской Германии, но и отечественная история демонстрирует факты «соседства» национальной идеи с политикой геноцида. Но эти антигуманные проекты не являются следствием воплощения национальной идеи — скорее, наоборот, они служат уроком ухода от нее, игнорирования нацией своего духовного предназначения. Кроме того, как известно, «преступление во имя идеи не исключает ценности самой идеи» (Г. П. Федотов).

У отечественной интеллигенции при слове «русский» до сих пор возникает комплекс вины и одновременно национальной неполноценности, целенаправленно внушаемый обществу либеральными идеологами последне-

го десятилетия. Ошибочно понятие «русский» принято отождествлять с этническим происхождением, хотя традиционно основанием для национальной идентичности в России была не этническая принадлежность, но прежде всего чувство духовной общности, ощущение особого исторического предназначения и судьбы. Русский — это человек, выросший в культуре и стихии русского языка, смысловой состав которого уже определяет тип национального сознания, задает систему мировоззренческих доминант.

В то же время отечественная гуманитарная традиция заставляет с большой осторожностью использовать в публичном дискурсе национальную символику — отношение русских мыслителей прошлого к национальной проблематике всегда было неоднозначным. С одной стороны, наблюдается открытое неприятие национализма как идеологии, которая проповедью «эгоизма обособленных частей» противоречит «христианской идее вселенского единства человечества». В 1940 году Г. П. Федотов писал, что «национальные интересы противоречивы, безмерны и неутолимы. Они возрастают, странным образом, параллельно падению духовного содержания национальной культуры. <...> Острота русского национального чувства в границах СССР и даже за его границами (то есть у русских эмигрантов) имеет свои аналогии лишь в тоталитарных империях. В нем живет и эрос страсти, и похоть вождения, гордость своей мощью и боль унижения — весь тот болезненный комплекс, который на наших глазах привел Германию к явному безумию. Русский молодой национализм не принял еще клинических форм, но уже несет с собой огромные национальные опасности». С другой стороны, русский философ писал, что «национальное самосознание России есть в то же время и воскрешение ее к духовной национальной жизни. Углубляясь в этот огромный духовный мир, мы поймем, как нелепы и даже кощунственны сусальные краски для описания его и фашистские приемы для овладения им»³.

И сегодня разброс мнений по проблемам, имеющим прямое или косвенное отношение к национальной идее, достаточно велик: на одном полюсе — отрицание ее социально-культурного смысла, признание исторической и социально-философской исчерпанности русской идеи в ее традиционных содержательных аспектах, на другом — утверждение русской идеи как одной из составляющих

² Федотов Г. П. Новый идол // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. СПб., 1991. Т. 2. С. 103.

³ Федотов Г. П. Указ. соч. С. 104.

национального менталитета, попытки сформулировать «значимую альтернативу» русской идеи в соответствии с сегодняшней социокультурной и политической ситуацией.

В связи с этим сегодня чрезвычайно актуальной становится проблема реабилитации — моральной и интеллектуальной — феномена русской (или национальной) идеи, анализа ее воплощенных и неудачных проектов, идентификационных возможностей и цивилизационных ресурсов. «Национальное самосознание есть непрерывно раскрывающийся духовный акт, смысл которого, говоря словами В. Соловьева, есть постижение в судьбе и духе народа того, “что Бог думает о нем в вечности”. Мы всегда неполно и отрывочно созерцаем отдельные стороны этой таинственной личности. Самые устойчивые национальные характеристики приходится пересматривать, перестраивать, потому что мы имеем дело с подвижным объектом, с меняющимся образом. Самосознание народа непосредственно совпадает с его актуализацией. Новый подвиг, новая жертва — и новый грех — влекут за собой новую установку национального самосознания. В этой опознающей работе участвуют, по следам исторического деятеля, проясняя его часто слепую интуицию, философ, историк и поэт»⁴.

В предыдущие исторические эпохи русская идея выполняла в культуре самые различные функции: она подчеркивала самобытность и уникальность национально-культурного организма; обеспечивала преемственность культурных традиций и отражала уровень развития духовной культуры, указывала направление совершенствования личной, общественной и государственной жизни. Фиксируя базовые ценности русской культуры, она способствовала объединению в единое целое огромного полиэтнического мира Российской империи. Н. А. Бердяев отмечал, что для России национальная идея — это не просто стержень национальной идеологии, но и «история русской духовности», «собирательный образ России». Формулируя национальную задачу России, философ писал, что страна стоит перед «великой задачей» — соединить «национальное единство и культурное развитие. <...> Нация, как и личность, должна себя охранять и укреплять не во имя свое, а во имя своего высшего назначения»⁵. И. А. Ильин с развитостью национальной идеологии напрямую связывал условия

реализации творческой природы человека, напряженность его духовной жизни: «Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, уклада и духа. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. Национальное обезличение есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор»⁶.

Все это позволяет рассматривать национальную идею как важнейшую форму самопонимания народом своей культурной самобытности и духовной миссии, глубин и перспектив общественного развития, необходимую компоненту духовной жизни общества, его самопознания и развития, условие восстановления единства прошлого и настоящего, исторической памяти и образа будущего. Возможные опасности от экспансии национально ориентированной идеологии — не более чем те негативные последствия, которые ожидают общество от воплощения любой другой системы ценностей (например концепции прав и свобод человека): абсолютизация, доведение до крайности любой идеи и стремление осуществить ее на практике неизбежно заканчиваются ее саморазрушением.

Если обратиться к содержанию русской идеи, то можно обнаружить, что само возникновение идеи, динамика ее развития, смысловые акценты всегда зависели как от внутреннего, так и от внешнего контекста — интенсивность и новые грани русская идея получала, как правило, в критические для российского государства и общества моменты (Русско-турецкая война, Балканский кризис, Вторая мировая война, революция и последующие беды российского народа). Другими словами, понимание собственного предназначения во многом определяется (и стимулируется) характером и интенсивностью социально-культурной проблематики в микро- и макромасштабе. Его видение становится ответом на вызовы времени, оно обнаружива-

⁴ Федотов Г. П. На поле Куликовом // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 103.

⁵ Бердяев Н. А. Русская идея. СПб., 1992. С. 268.

⁶ Ильин И. А. За национальную Россию. Манифест русского движения // Слово. 1991. № 7. С. 83.

ется также в контексте другой культуры — понять сущность и специфику культурно-исторического «мы» можно лишь в диалоге и противопоставлении «они». И сегодня содержание и основные функции возрождающейся национальной идеи определяются, с одной стороны, характером социокультурной ситуации, сегодняшними проблемами общественного развития России и общемировыми тенденциями, с другой — ее сущностной способностью консолидировать многоэтническое российское общество, обеспечить ценностно-ориентационному многообразию российской культуры, стремящемуся перейти в хаос, общее духовное основание, смысл и перспективу развития.

Исходя из общей логики исторического процесса, единых оснований и истоков духовной культуры народов России можно утверждать, что в перспективе возможными мировоззренческими доминантами русской идеи (и вариантами национальной идеологии) станут несколько проектов.

1. Традиционный вариант русской идеи «Москва — Третий Рим», восходящий к XV веку, когда впервые осознается и формулируется историческая миссия Руси (в послании Великому князю Московскому Василию псковский инок Филофей пишет: «Все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, и это — российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать»). Эта идея, обеспеченная авторитетом православной церкви, со временем приобрела государственный, национально-политический характер и успешно выполняла объединительные и экспансионистские задачи. Ее основные составляющие: государственность как форма сохранения национальной самобытности и территориальной целостности; ценности православия, органично вошедшие в русскую культуру и придающие смысл жизни как обществу, так и отдельному человеку; понимание национально-культурной уникальности и духовной самобытности России, ее судьбы.

В традиционную модель русской идеи вписывается агиоцентрический проект Вяч. Иванова, который считал утверждение святости как наиболее вероятную форму воплощения русской идеи в будущем. Его агиоцентрическая культура основана на двух принципах: на признании святости в качестве высшей духовной ценности (спутниками которой будут всечеловечность и универсализм, мессианский пафос и служение, духовность и аскетизм, милосердие и сострадание) и референтности образа православных

святых (культурная вертикаль); на соборности общественного бытия с ее реальным равенством и свободой, когда последняя равна необходимости, то есть становится «неосознаваемой несвободой». Символический образ такого типа культуры — «Святая Русь».

Не исключено, что ценности русской идеи, которые сегодня активно востребованы обществом, будут скорректированы и содержательно дополнены «социалистической аксиологией», которая для значительной части населения не потеряла актуальности и сегодня. Трудно не согласиться с тем, что принцип справедливости есть норма отношений, отражающая «онтологический закон гармонических соотношений частей в единстве целого», а социализм, понимаемый как форма осуществления социальной справедливости, как писал С. А. Аскольдов, «имеет полное основание рассматриваться и с гуманистической, и даже с религиозной точки зрения имеющим на себе некоторое историческое благословение»⁷.

2. Концепция евразийства, характеризующая Россию как особый культурно-исторический мир, синтезирующий в себе восточную и западную культуру, как новый духовный центр евразийского континента. Зародившаяся в начале 1920-х годов в трудах философов и культурологов Трубецкого, Флоровского, Бицилли, Савицкого, Сувчинского, она нашла продолжение и развитие в работах Н. Рериха, Н. Гумилева и ныне начинает оказывать существенное влияние на формирование новой идеологии национальной консолидации. Основные идеи евразийства, определившие специфику этой концепции и не потерявшие актуальности сегодня, состоят в следующем: отказ от культурно-исторического «европоцентризма»; отрицание «универсалистского восприятия культуры», которое господствует в европейском самосознании и следствием которого является классификация народов на «культурные» и «дикие»; понимание России как особого культурного и духовного единства, географической и этнографической целостности — Евразии и утверждение особых путей ее развития; обоснование органичной связи культуры народов России с православием как «вселенской» религией и одновременно обусловленность русской культуры «пространством» (то есть влиянием восточного элемента); понятие нации как «симфонической личности» — коллективном носителе культурных ценностей.

⁷ Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Русская идея: сб. М., 1992. С. 200.

3. Мессианская идея России как всемирного лидера народов-изгоев⁸. В качестве исходного положения автор этого проекта А. С. Панарин утверждает, что России по критерию могущественности уже не быть сверхдержавой. Поэтому соревноваться с лидерами «первого мира» по его главным критериям силы и успеха — глобальная ошибка, которая может привести к окончательному истощению всех ресурсов, в том числе и духовных. Следовательно, Россия может и должна стать сверхдержавой неперспективных, достойных человеческой жалости и сострадания, должна стать сверхдержавой «людей неуспеха», уберегающей мир от либерального геноцида «золотого миллиарда». А исходящая оттуда опасность вполне реальна, ибо «расисты глобального мира готовятся к глобальной чистке, формируя при этом имидж спасителей цивилизации от “новых варваров”»⁹.

Реализация проекта предполагает отказ от традиционной геополитической борьбы за пространство (с надеждой на успех здесь могут бороться равновеликие) и переход в плоскость социально-психологической, духовной борьбы за судьбы неприкаянных и нуждающихся в социальной реабилитации. России надо подняться над национальным эгоизмом, над моралью успеха, стать империей, открытой сердцем для всех «нищих духом». Как только все «второсортное» население мира поймет, что кроме России у него нет надежды, заказ на ее роль сверхдержавы будет сформирован.

Успех этого проекта — в его мистической, религиозной энергетике. В свое время христианство совершило чудо — оно возлюбило тех, кому носители светской морали отказали в сочувствии, возлюбило безнадёжных (слабых, больных, бедных), которые стали носителями новой человеческой надежды. Сегодня требуется аналогичный поворот всемирного масштаба: возложить миссию спасения на народы неадаптированные, «неперспективные» по критерию успеха, силы, славы и богатства.

В контексте рассматриваемого проекта русская идея — это идея всемирной империи «новых бедняков», отлученных либеральной церковью, новых изгоев мира сего. Такая держава появляется в надматериальном, метафизическом пространстве (в отличие от

идеи большевизма, в которой изначально доминировал критерий «политического успеха»). И духовные ресурсы России здесь значительны, что прекрасно понимают идеологи «глобального мира» (может быть, именно такое понимание заставило сконцентрировать их усилия в предыдущее десятилетие на моральное растрепывание отечественной интеллигенции и политической верхушки — их подстегивал страх, что Россия может стать реальным лидером и объединителем угнетенных и страждущих мира сего, в том числе и мира мусульманского). Культурным ресурсом этого проекта является духовность и аскетизм — дух русской культуры, как отмечает А. С. Панарин, всегда был обращен к неудачникам, а традиции русской школы — дарить человеку достоинство помимо его социального статуса и экономического успеха. Ментальный ресурс проекта — солидарность, сострадательность, эмпатия русского человека. Проблемно-цивилизационный контекст проекта — ограниченность ресурсов природы: планета не выдержит активности «эффективных» и «успешных», поэтому залог выживания человечества состоит в том, чтобы на арену цивилизации вышли культуры и народы, согласные довольствоваться малым, переставшие мерить смысл жизни критерием успеха. Для таких культур Россия — образ надежды, особое метафизическое пространство, «обетованная земля бедных», что очень важно для внутреннего самочувствия загоняемого в «социальные резервации» большинства мира.

Все эти варианты русской идеи не противоречат, а, скорее, взаимодополняют друг друга, фиксируя ее религиозно-духовную, государственно-политическую, социально-культурную и миссионерскую грани. Востребованность культурно-идентификационных и цивилизационных ресурсов русской идеи предполагает сегодня не только вменяемую политику в области образования, культуры, адекватность в позиционировании России на международной арене. Она требует немалых интеллектуальных усилий и духовных сил общества, на общекультурном уровне предполагает активную работу национального самосознания, а в масштабах индивидуальной биографии — свободный и ответственный выбор каждого из нас. И от этого выбора зависит — нести идею своего народа, его культуры «в сердце своем и в судьбах своих или как благословение, или как проклятие» (Вл. Соловьев).

⁸ См.: Панарин А. С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. 2003. № 66; Наш современник. 2003. № 9.

⁹ Там же.